детектив он-лайн

Георгий Ланской

Варвара Смородина против зомби

Детектив он-лайн

Георгий Ланской

Варвара Смородина против зомби

«АСТ»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Ланской Г. А.

Варвара Смородина против зомби / Г. А. Ланской — «АСТ», 2017 — (Детектив он-лайн)

ISBN 978-5-17-982489-3

Варвара Смородина – одиннадцатилетний вундеркинд и одиночка, мечтающая стать патологоанатомом, зазнайка и редкий провокатор. Не каждый взрослый способен посоревноваться с ней. А что случится, если любопытная Варя обнаружит у найденного около библиотеки трупа зажатую в руке золотую монету? По местным преданиям, столетие назад князь Верховный запрятал в своей усадьбе таинственный клад. Уж сколько охотников было до сокровищ!.. Варвара решает самостоятельно расследовать преступление, а заодно и найти клад.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-982489-3

© Ланской Г. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1. Находка в лопухах 6
2. Подозреваются все! 18
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Георгий Ланской
Варвара Смородина против зомби

© Георгий Ланской, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

1. Находка в лопухах

Ехали долго. Настолько долго, что я успела поспать, посадить батарейку в телефоне игрой, дочитать совершенно неинтересную книжку, насмотреться в окно до одури и вновь поспать, несмотря на неудобства. Наша машина небольшая, а когда мы выбираемся из дома всей семьей, мне обычно достается самое неудобное место – посередине заднего сиденья. Так случилось и сегодня: слева меня подпирал брат Сеня, справа – сестрица Злата. Стоило мне посягнуть на их территорию, оба начинали шипеть и ожесточенно работать локтями. Я стискивала зубы и терпела. Жаловаться – вообще не в моих правилах. К тому же родители и без того были удручены, раздражены и расстроены ситуацией, в которой оказалась наша семья, что мое нытье только подлило бы масла в огонь.

Злата, хмурая и сосредоточенная, оторвалась от своего телефона и ощутимо ткнула меня локтем в бок. Я в отместку ущипнула ее за ногу. Недолго думая, она пихнула меня на Сеню, а тот, проснувшись от толчка, наградил меня подзатыльником.

– Эй, там, в хвосте состава, – сказала мама недовольным голосом, – быстро прекратите!

– Да мы ничего не делаем, – ответила Злата тонким голоском и невинно добавила: – Это все Варька. Наверное, ее пучит.

– Значит, надо потерпеть, – нервно произнесла мама. – Мы уже почти приехали. Правда, дорогой?

Папа пробурчал под нос что-то невнятное. При желании это можно было понять и как «да», и как «нет». Мама, очевидно, поняла правильно, переключившись на вид из окна, и перестала обращать на нас внимание.

Злата победоносно ухмыльнулась и вновь уставилась в свой телефон. Сеня откинулся на подушку и закрыл глаза. Я аккуратно потерла затылок. Рука у братца тяжелая, а поколачивал он меня довольно часто, я уже привыкла играть роль боксерской груши. В семье я была младшей. Раньше Сеня лупцевал Злату, но сестрица мало того, что кляузничала родителям, еще и визжала на весь дом. После она умудрилась вырасти, не догнав Сеню всего на пару сантиметров, и научилась давать сдачи, пуская в ход все, что попадалось под руку. Сеня счел ее равным по силе противником и стал отрабатывать приемы дзюдо на мне. Я слабее, никогда не жаловалась родителям, и потому оказалась идеальным спарринг-партнером.

В нынешней ситуации был виноват мировой экономический кризис. Это родители так объяснили, не вдаваясь в подробности. Наверное, думали, мы не поймем. Не знаю, как Сеня со Златой, а я все поняла. В новостях показывали страшное, дикторы наперебой душили зрителей кошмариками. Мама и папа смотрели на экран как завороженные, а потом запирались на кухне и пили пустырник.

Раньше папа был инженером, мама – бухгалтером. Теперь они оба – фрилансеры. Это значит, что оба сидят перед компьютером, говорят о важных проектах, звонят по Скайпу неизвестным людям, пьют кофе, играют в игры и больше ничего не делают. За это им платят хорошие деньги. Но в последнее время дела пошли на спад. Наверное, желающих пить кофе и ничего не делать оказалось больше, чем желающих работать.

Летом, когда стало совсем плохо, папа сообщил:

– Дети, у нас проблемы. Я, конечно, хочу обсудить сложившуюся ситуацию, мы ее коллегиально обсудим, но решение приму я. Собственно, я его уже принял. На три месяца сдадим квартиру хорошим людям, а сами уедем к родителям в деревню. В конце концов, работать можно и оттуда. Зато подкопим денег, на которые купим все необходимое к школе. К тому же свежий воздух, парно́е молоко, овощи с грядки только укрепят наших заморышей. Ты видела их, Света? Они же зеленого цвета, как стручки гороха.

Мама, резавшая салат, оторвалась от своего занятия и посмотрела на нас с сомнением. Мы ответили настороженными взглядами, не обрадованные нарисованным папой перспективам.

– Ха! – фыркнула Злата, – что за бредовая идея, пап? С какой стати нам уезжать в глушь? По-моему, ты преувеличиваешь масштабы катастрофы. Лично я никуда ехать не собираюсь. Что я буду делать в деревне? Все нормальные люди едут отдыхать на море. Вон, Кораблины вообще улетают в Ниццу.

Сеня, видимо, думал так же, и сосредоточенно кивал. Я благоразумно промолчала. Прежде всего, потому, что со своего места лучше видела покрасневшее от злости лицо отца и понимала: лучше не вмешиваться. Сеня и Злата не понимали, что такими репликами закапывали себя еще глубже, и вдохновенно продолжали:

– Почему мы не можем отдохнуть по-человечески? – воскликнули они в один голос. А Сеня добавил:

– У меня куча дел. Скоро соревнования. Я же не могу отказаться от тренировок.

– А я записалась в школу моделей, – напомнила Злата. – У нас показы, дефиле, фотосессии… К тому же все наши друзья остаются в городе! С кем мы там будем общаться? С деревенскими пастухами и доярками? И о чем с ними говорить? Они же совершенно не разбираются в гламуре!

Зря она это сказала. Я уткнулась в свою кружку с молоком, чтобы не рассмеяться. Папа был уже не просто красный – багровый от ярости. Он так стукнул по столу ладонью, что все подпрыгнули, а я даже молоко пролила.

– Значит, так: решение окончательное и обсуждению не подлежит, – неожиданно тихо произнес он. Мы хорошо знали этот тон, и поняли, что сейчас лучше не возражать. – Сеня, на тренировки будешь ездить на электричке. Это всего сорок минут. То же касается школы моделей. Если Злату не устраивает ездить на занятия общественным транспортом, со школой придется расстаться. Найдете себе новых друзей по интересам. Может, доярки и пастухи научат вас чему-то полезному. Например, умению работать.

Папа, грозивший пальцем по очереди Сене и Злате, ткнул в меня.

– Теперь ты.

– Я ни словечка не произнесла, – возмутилась я.

– Вытри молоко и иди спать, – приказал папа.

Я подчинилась, вытерла лужу, вымыла кружку и с достоинством удалилась в свою комнату, по пути думая, что на целых три летних месяца попрощаюсь с любимой кроватью, игрушками и книгами, в которых будут спать, играть и читать другие люди. От этого стало невероятно грустно. Подхватив облезлого медведя, я уложила его рядом с собой на постель, обняла и закрыла глаза, стараясь не плакать. Полежав несколько минут, я попыталась найти в переезде в деревню свои плюсы. Друзей у меня все равно нет. Может, дедушка с бабушкой позволят завести собаку или хотя бы кота? Я бы согласилась и на морскую свинку.

Зажмурившись, я попыталась представить собаку. В воображении появился забавный кокер-спаниель, персикового цвета и со смешными ушами. Я мысленно протянула к нему руку.

Дверь с грохотом ударилась о стену. Щенок в моих фантазиях лопнул как воздушный шар. Я открыла глаза и увидела, что к кровати подошли разъяренные Сеня и Злата, трясущиеся от бессильной злости. Оно и понятно: кому хочется пасти на природе свиней и овец? Думаю, они именно так представляли себе грядущие каникулы.

– Это ты во всем виновата, козявка, – зло сказала Злата.

– Я-то при чем? – возмутилась я. Хотя это был риторический вопрос. Я у Златы всегда во всем виновата, даже если меня и рядом не было.

– При том. Все беды от тебя. Могла бы немного поныть, что не хочешь ехать в деревню и спать в курятнике. Родители пожалели бы и остались дома.

– С ума сошла? – опешила я. – Разве мое мнение здесь кого-то интересует?

– Меня уж точно нет, – холодно сказал Сеня.

– И меня, – добавила Злата с презрением. – Сколько раз тебе говорили, что в подобных ситуациях твое дело – плакать и стонать, плакать и стонать? Но разве у такой бестолочи в голове хоть что-то задержится? Мы могли вынудить родителей остаться в городе. А теперь из-за того, что ты дура, все лето будем крутить поросятам хвосты. И зачем родители тебя вообще произвели на свет? Любому понятно, что два ребенка – отлично, а третий – ненужная роскошь.

– Тем более, такая бесполезная, как ты, – добил Сеня. – Честное слово, если бы тебя можно было утилизировать и обменять на что-то полезное, я бы ни минуты не сомневался. Лучше приобрети лишнюю мультиварку, чем тратить время на такого ниочемыша, как ты!

– Воистину! – фыркнула Злата.

Это «воистину» она вычитала в каком-то блоге и теперь употребляла по поводу и без. Сейчас оно было явно ни к чему, но меня проняло. Я засопела, почувствовав, как неприятно закололо в носу, чего, собственно, они и добивались. Брат с сестрой обменялись торжествующими взглядами, развернулись на пятках и вышли, оставив меня в слезах.

* * *

К дому бабушки и дедушки мы подъехали, когда от тычков Сени и щипков Златы у меня отваливались оба бока. По дороге меня укачало, в окна летела бурая пыль, и едва мы остановились, как она заполнила весь салон. Я сразу расчихалась.

– Прекрати брызгать на меня своими соплями, – скомандовала Злата и принялась ногами выпихивать меня наружу через передние сиденья. В нашей машине всего две двери, но выбраться из нее, пока не вышли родители, невозможно.

– Варя, прекрати толкаться, – скомандовала мама, копавшаяся в сумке. – Надо же, очки куда-то делись…

– Они у тебя на голове, – подсказала я. Мама нашарила очки и, вздохнув, неуклюже, вылезла из машины. Я торопливо последовала за ней, получила пару мощных толчков в зад и выпала на заросшую клевером лужайку, где уже стояли, раскинув руки для объятий, бабушка и дедушка.

Дом в поселке Снежинский в свое время считался генеральской дачей и был пожалован моему деду, Анатолию Михайловичу Смородину, генерал-майору МВД, еще в те годы, когда существовал Советский Союз. Я этой страны не застала, как, впрочем, и Сеня со Златой, но ностальгические воспоминания стариков мы слышали часто. По их мнению, тогда жили, как в раю. У всех была работа и уверенность в завтрашнем дне.

– Днем стояли в очереди за синими курями, вечерами смотрели черно-белый телевизор, аж целых два канала, и мечтали получить путевку в Крым, – вполголоса комментировала мама.

Папа на нее шикал, стараясь, чтобы этого не услышали его родители. Что делать: отец происходил из генеральской семьи, поэтому о многих проблемах не слышал. Думаю, самым большим разочарованием для деда стал отказ отца пойти на работу в полицию. Какое-то время дед надеялся, что династию продолжит кто-то из старших внуков, но Сеня выбрал спорт, Злата – красоту. Оставалась я, с детства проявившая нешуточный интерес к расследованию преступлений, но и тут мечты Анатолия Михайловича Смородина пошли прахом. Я куда больше интересовалась работой эксперта, нежели следователя, и, если собиралась связать судьбу с полицией, то лишь в качестве судебного медика. Однажды дедушка, разодетый

в парадный китель с орденскими плашками, пришел на собрание в школу, где моя, скажем так, не самая умная учительница спросила, кем я хочу стать.

– Патологоанатомом, – честно ответила я.

– Ну и замечательно, – обрадовалась учительница. – Вот видите, дети, Варенька Смородина станет патологоанатомом, и мы все будем у нее лечиться.

– Не дай бог! – сказал дедушка и перекрестился, несмотря на ордена.

Генеральская дача, полученная дедом после выхода на пенсию, превратилась в постоянное место жительства. Переезжать обратно в город не захотела уже моя бабушка, Анфиса Леонидовна, предпочитая столичному гвалту тишину сельских улочек. А дед, каким бы крутым генералом ни был, всегда и во всем слушался свою генеральшу, руководившую им как опытный полководец.

В доме было два этажа и громадный пыльный чердак, до которого ни у кого не доходили руки. Туда сваливали разный хлам: старую мебель; одежду, вышедшую из моды, но еще прочную; отслужившие свое матрацы, плетеные корзины и, самое главное, книги, сотни книг из постоянно пополнявшейся библиотеки. В нашей семье читать любили все, но, пожалуй, я была единственной, кто вдохновенно штудировал учебники по криминологии, зачитанные до дыр, с рваными обложками и вылетающими страницами, которые рекомендовалось хватать на лету. На некоторых страницах твердой рукой деда были сделаны пометки, из чего следовал вывод, что эти темы его некогда интересовали больше карьеры. Впрочем, на некоторых страницах я находила записи, сделанные гораздо позднее и другим почерком, идентифицировать который мне не удалось. Я подозревала бабушку, но не понимала, что могло заинтересовать генеральшу в криминалистике? Или пометки сделал мой отец, никогда не имевший склонности к расследованиям? Приезжая в генеральский дом на лето, я каждый год хотела прояснить ситуацию, но всякий раз взрослые ловко уходили от ответа. На этот раз им вряд ли помогут увертки.

Бросаясь обниматься, я подумала, что наш переезд тоже был срежиссирован бабушкой. Именно с ней, а не с дедом отец обсудил свой коварный план, и, получив одобрение, воплотил его в жизнь.

* * *

Бабушка раскинула руки, словно лебедица, но обниматься бросилась только я. Злата с гримасой отвращения разглядывала пыльную проселочную дорогу, обрамленную раскидистыми лопухами и репейником. Сема, считавший себя слишком взрослым для объятий, чмокнул бабушку в щеку и отошел к деду, которому можно было с достоинством пожать руку. Отец выгружал из багажника чемоданы, а мама, уже получившая свою долю поцелуев, торопила его.

– Дима, скорее, ну, чего ты копаешься? Осторожнее, в красной сумке продукты, не помни! Папа, не надо нам помогать, у вас же радикулит…

– Я еще в состоянии управиться с сумками, – проворчал дед. – К тому же физические упражнения полезны. Правда, внучок?

– Правда, – неохотно ответил Сеня и, взяв чемоданы, поплелся к дому. Злата проводила брата взглядом и вздохнула.

– Я так рада, что вы приехали, – сказала бабушка и выпустила меня из объятий. – Как же вы обе выросли! Злата, ты стала настоящей красавицей. А ты, Варенька…

Тут бабушка смешалась, потому что я красавицей точно не стала. Сестра с насмешливой улыбкой ждала продолжения.

– А ты вот-вот превратишься в прекрасного лебедя, – нашлась бабушка.

– Не факт, – фыркнула Злата и добавила плаксивым тоном: – Надеюсь, за время нашего отсутствия здесь все изменилось к лучшему? Как обстоят дела с культурной жизнью?

– По выходным работает клуб, – отрапортовала бабушка. – Кино показывают. Речка под боком, купайся – не хочу. Лес рядом, ягоды уже есть, скоро грибы пойдут.

– Фу, – сказала Злата и скривилась. Я поспешила сгладить впечатление и с притворным воодушевлением воскликнула:

– Ах, я обожаю собирать дары природы.

– Это потому, что ты сама похожа на сморчок, – шепнула Злата так, чтобы бабушка не услышала, изображая милую улыбку. – Бабушка, чем будешь угощать?

– Идемте, идемте, – заторопилась бабушка. – Пироги поспели. Я с самого утра тесто поставила, и как только вы миновали переезд, поставила их в духовку. Сегодня у нас пироги с ягодами, мясом и капустой, на любой вкус.

– Пироги? – с ужасом переспросила Злата. – Но я не ем пироги. У меня фигура!

– Нарви лебеды, – посоветовала я. – Тебе пойдет, ты в профиль – вылитая коза.

Злата хотела меня ущипнуть, но бабушка была начеку и легонько толкнула ее вперед.

– Иди, детка. Бог мой, как отощала. Ну ничего, на деревенской сметанке быстро придешь в норму. За три месяца я тебя откормлю.

В глазах Златы заплескался страх. Я мстительно усмехнулась.

– Мне бы что-нибудь полегче, – сказала Злата дрожащим голосом. – Салатик там… Яблочко. Показы через неделю, мне нельзя портить фигуру. Если первой на подиуме окажется Ирка Самсонова, я не переживу!

Ирка Самсонова была давним пугалом Златы. Конкуренция между двумя заклятыми подружками была колоссальной. Злата и Ирка соревновались везде и всюду, отбивая друг у друга что придется: вещи, косметику и парней, а когда отбивать было нечего, приступали к активным действиям, часто переходящим в рукопашную. Обе вели собственные бьюти-блоги в соцсетях, обучая некрасивых лохушек секретам правильного питания, мэйка и причесок, то и дело обезьянничая и переписывая посты друг у друга, а также других, таких же интернетных красоток. Недавно Злата в нелегкой борьбе вырвала у Ирки право закрывать показ, а бабушкины пирожки могли склонить чашу весов в Иркину сторону. Потеря статуса грозила Злате катастрофой.

– Ничто не делает фигуру лучше, чем прополка картофеля, – сказала бабушка и тихонько мне подмигнула.

– Воистину, – подтвердила я.

У Златы подломились ноги, и она едва не рухнула, но затем, с достоинством вздернув нос к облакам, продефилировала в дом.

– А ты, егоза, будешь на огороде помогать? – спросила бабушка.

– Конечно, – смело соврала я, потому что, какими бы сложными ни были отношения с сестрой, в одном мы были похожи: огородные заботы приводили нас в ужас. Но я, в отличие от Златы, не спешила информировать об этом заинтересованных лиц.

* * *

Первый и последний обед сезона в доме бабушки и дедушки – всегда значимое событие. Стол ломится от еды, так что внуки просто должны лопнуть с брызгами. К счастью, на второй день кулинарное безумство сходит на нет, большей частью потому, что за готовку берется мама. Бабушка рада избавиться от части забот и удаляется в сад, где с удовольствием копается на грядках, ухаживая за буйно цветущими розами, пионами и нивяниками. Когда ее никто не видит, она пробирается в беседку, кладет под голову расшитую маками думку и спит до обеда на свежем воздухе. Дед, оставшись без присмотра, читает на террасе газету, сидя в

кресле-качалке, но через полчаса, разомлев от жары и жужжания шмелей, начинает похрапывать. Мы в это время предоставлены сами себе и делаем что хотим. В такие минуты наша семья сплочена, как никогда. Разбредаясь по дому и саду, мы стараемся не шуметь, либо сбега́ем на речку или озеро, чтобы проснувшиеся предки не заставили командирским тоном окучивать помидоры. Лично я в отлынивании от домашних дел заметно превосхожу брата и сестру, умудряясь исчезнуть в самые ответственные моменты раздачи заданий. Сеня и Злата объясняют это тем, что я маленькая, юркая, и, соответственно, в меня труднее попасть. Я же считаю себя более прозорливой. Главное – успеть выскочить из-за стола до того, как бабушка скажет знаменитое: «Значит, так…» Естественно, с братом и сестрой я своими наблюдениями не делилась.

Бабушка расстаралась и на этот раз. Пирогов было много. Их разложили на три горки такого размера, что можно было кататься на санках. Кроме пирогов, на столе красовались гигантские тазики салатов, мясная нарезка, колбасы, а в середине – громадная супница с ароматным борщом. На журнальном столике стояла ваза с фруктами, не поместившаяся на столе, и различные сладости.

– Мама, куда столько? – укоризненно сказал отец. – Это же на целую армию.

– Боец должен полноценно питаться, – крякнул дед и хлопнул Сеню по спине. – Не сутулься!

Сеня закашлялся и выпрямил спину, а дед невинно спросил, заметая следы, как хитрый лис:

– Сеня, твои спортивные достижения уже достойны внимания?

– Чьего внимания? – столь же невинно осведомился Сеня, прекрасно зная, куда клонит дед.

– Высшего руководства МВД, – ответил дед и воинственно поправил усы. – Я знаю, в последний раз ты получал медаль из рук министра.

– Вице-министра, – поправил Сеня.

Это была чистая правда. Сеня выиграл юношеский турнир по легкой атлетике, и оказавшийся на тот момент в городе вице-министр вручил ему медаль, что два дня показывали во всех местных новостях. Сеня делал вид, что ему наплевать, но я-то видела, как он тайком начищает медаль. Я бы на его месте так не усердствовала, поскольку это было самоварное золото и от трения лоск мог легко испариться.

– Неважно, – стоял на своем дед, поскольку внук на провокации не реагировал, спросил в лоб: – Ты уже думал о военном училище?

– Конечно, – ответил Сеня, не моргнув глазом. – Сколько раз! Думал: ну его на фиг, как бы мне туда не пойти?

В глазах деда мелькнул опасный огонек. Как на грех, Злата решила подлить масла в огонь и сказала с невинным видом:

– А я сразу после школы уеду в Милан, в школу моделей. Там лучшие педагоги. Девочки говорят, что после Италии можно запросто сделать карьеру манекенщицы экстра-класса.

Дед начал хватать ртом воздух, а бабушка даже приподнялась, чтобы сказать свое знаменитое: «Значит, так…», а я даже пообедать не успела. Следовало перевести разговор в другую плоскость.

– А я начала учить латынь, – сказала я небрежно. – Не самое увлекательное занятие. Но медицинскому работнику нужно ее знать, чтобы писать неразборчивые рецепты на законных основаниях.

– Варвара не оставила мысли стать патологоанатомом и ковыряться в кишках, – ядовито прокомментировала Злата, и тут же поплатилась:

– У ребенка голова на плечах, – сурово сказал дед. – Кажется, Варвара единственная использует мозги по назначению. А вот вы меня сильно разочаровали.

– Папа, не стоит принимать близко к сердцу все, что болтают дети, – вмешалась мама. – В конце концов, их взгляды могут измениться. Может, через год-другой они будут думать иначе… Мама, оставьте посуду, я все вымою… Дети, разберите вещи и сложите их в шкаф. Папа, скажите, как у вас тут с Интернетом?

– Не особо, – признался дед. – Скорость низкая, я даже в танки поиграть не могу, а мобильный Интернет часто вообще не фурычит. Приходится на холм подниматься, даже чтобы позвонить.

– Как же мы тут будем работать? – огорчился отец и рассеяно оглянулся на сумку с ноутбуком.

– Я в район позвоню, – пообещал дед. – Просто необходимости не было… Завтра все заработает…

В этот момент хлопнула калитка. На крыльце затопали и загрохотали, а через мгновение в гостиную ворвался невероятно чумазый мальчишка с копной огненно-рыжих волос, торчащих в разные стороны.

– Дядь Толя, дядь Толя! – завопил мальчишка, а потом увидел всех нас и сконфузился.

– Василий, – строго сказал дед, – что за ор? Выйди и доложи как следует.

– Не тирань ребенка, – мягко возразила бабушка. – Вася, садись с нами чай пить. Есть твои любимые пироги с малиной.

Мальчишка с вожделением покосился на горку пирогов, но, видимо, чувство долга перевесило голод. Щелкнув босыми пятками, Василий торопливо протарахтел:

– Товарищ генерал, разрешите доложить: там, у библиотеки… того…

– Чего – «того»? – не понял дед.

– Вам бы лучше самому посмотреть, – уклончиво сказал мальчишка.

– Да на что посмотреть? – рассердился дед. – Говори толком!

– Я и говорю, – выпалил мальчишка. – Иду я с поля, гляжу – следы. Пошел по ним, мимо библиотеки, а оно в кустах лежит.

– Что лежит?

Вася задумчиво почесал пятку, пожал плечами, а потом серьезно ответил:

– Да откуда мне знать? Но, похоже, зомби.

*** * ***

Сказать, что мы были удивлены, – значит, не сказать ничего. Мы буквально онемели и уставились на вестника, вытаращив глаза, а Вася, задумчиво пристроившись к столу, взял один пирожок и меланхолично откусил корочку.

– Какой еще зомби? – наконец выдохнул дед.

Вася пожал плечами, прожевал и серьезно ответил:

– По-моему, самый настоящий. Лежит в лопухах и воняет. Вы бы поторопились, а то с ним что-то не то происходит.

Бабушка осторожно потрогала Васе лоб.

– Ты перегрелся, что ли? – участливо спросила она. – Какие лопухи? Какой зомби? И что с ним, в конце концов, происходит?

– Наверное, на него солнце так действует, – ответил Вася невнятно. Видно, пирог оказался настолько вкусным, что оторваться не было сил. – Я в кино видел: когда мертвяков на солнце вытаскиваешь, они гореть начинают.

– И что? – рассердился дед. – Он горит?

– Не горит. Но кукожится, – вздохнул Вася.

Я с интересом прислушивалась к их разговору. Дед в итоге рассердился и велел Васе рассказать все толком, а тот, заглотив полпирожка, не жуя, объяснил.

Оказывается, с утра Вася решил сбегать в магазин, за мороженым. По привычке свернув около библиотеки, он увидел, что под кустом валяется неопрятный мужчина, показавшийся ему знакомым. Вася подумал, что мужчина пьян, не стал останавливаться и приглядываться. Разглядел только татуировку на безвольной бледной руке. Купив мороженое, мальчик зашел к знакомым пацанам, вдоволь набегался с ними и наигрался в войнушку, а потом, вспомнив, что мать велела не задерживаться, побежал обратно. Проносясь мимо мужчины в лопухах, Вася заметил, что тот лежит на прежнем месте, не сменив позы, а с рукой, выставленной на солнцепек, происходит странное. Она почернела и покрылась жуткими пятнами. От мужчины странно пахло сыростью и тухлым мясом. Превозмогая отвращение, Вася отогнул раскидистые лопухи и заглянул в лицо мужчины, а увидев, стремглав побежал к участковому, от него – к нам.

Дед мрачно смотрел на Васю, барабаня пальцами по столу, а затем решительно поднялся с места. Мы тоже встали.

– Всем оставаться на своих местах, – приказал он. – Васька, пошли, покажешь место.

– Дядь Толя, вы бы ружье взяли, – серьезно предложил Вася. – А еще лучше – осиновый кол. Говорят, если мертвяку его в сердце воткнуть, он сразу ласты откинет.

– Можно подумать, если кол вонзить в грудь нормальному человеку, он даже не почешется, – фыркнул Сеня.

Дед рассеяно поглядел на старшего внука, а мама наградила Сеню убийственным взглядом, отчего он покраснел, пробормотал что-то нечленораздельное. Мы молча смотрели, как дед выходит из кухни в сопровождении Васьки, которого происшествие не лишило аппетита, он охотно принял от бабушки пакет с пирожками. В окно мне было хорошо видно, как эта парочка пересекает двор. Я отметила, что, вопреки советам Васьки, ружье дед не взял.

– Какие-то дикие люди тут живут, – капризным голосом протянула Злата. – Зомби, осиновый кол… Наверное, и в Бабу-ягу до сих пор верят.

– Конечно, верят, – ответила я. – Странно, что ты не веришь.

– Я же не маленькая, – снисходительно улыбнулась Злата. – Почему я должна в нее верить?

– Ну, как же, – всплеснула я руками. – Ты же ее каждый день видишь в зеркале.

Злата мгновение переваривала услышанное, а затем с визгом кинулась на меня. Я была готова к такому повороту событий и с проворством ужа выскочила из-за стола, прихватив пирожок, вылетела в двери, довольная тем, что могу манипулировать старшей сестрой. Строгий приказ деда поневоле заставлял нас сидеть дома, и только ссора могла оправдать мое отсутствие. Потому я, спровоцировав сестру, выскочила за ворота и пустилась во все лопатки к библиотеке. Пусть думают, что я испугалась сестринской кары или наказания от матери с отцом. Что до бабушки, та никогда и ничего мне не сделала бы, особенно в первый день.

Где находится библиотека, я помнила. На подходе притормозила, сунула пирожок в карман, нырнула в кусты и стала продираться сквозь противные заросли акации, шипя, когда колючие ветки царапали шею и руки. Кусты позволили вплотную подобраться к месту происшествия, а там пришлось выйти на открытое пространство.

У библиотеки уже толкалось человек двадцать: в основном, местные старушки, несколько подростков, участковый и дед. Чуть поодаль стояла высокая худая женщина, с темными волосами, и ногами, похожими на палки. Ее я помнила: это была библиотекарь с редким именем Элеонора, единственная знакомая моих деда и бабушки, кого не восхищало мое умение читать с трех лет. На крыльце библиотеки, вытянув шею, за происходящим наблюдал высокий крепкий парень с квадратным подбородком. Люди негромко переговари-

вались и смотрели куда-то вниз, но на что – я понять не могла. За их спинами ничего не было видно. Стараясь держаться подальше от бдительного взора деда, я принялась лавировать между взрослыми. Первый ряд зрителей все равно закрывал происходящее, поэтому я, недолго думая, просунула голову между ног одной из старух. Зрелище, надо сказать, было занимательное.

На земле, в зарослях лопуха, лежало тело мужчины, от которого несло разложением. Посиневшее лицо выглядело жутко, но я, как завороженная, впитывала каждую деталь, разглядев описанную Васькой татуировку на руке, в виде плохо нарисованного солнца, садящегося в море. Задравшаяся рубашка обнажала узкий багровый след на талии, словно оставленный раскаленной змеей. Похожий я заметила на запястье. И кое-что еще, видимое, по всей вероятности, только мне.

Бабка, нависавшая надо мной, переступила с ноги на ногу и отдавила мне пальцы.

– Ай! – сказала я. Бабка испугалась, схватилась за сердце и шарахнулась в сторону, заваливаясь набок.

– Ты что, окаянная, делаешь? – взвизгнула она и, внимательно оглядев меня с головы до ног, гаркнула: – Люди добрые, это чья ж такая?

Дед обернулся и поморщился.

– Это моя, – раздосадованно ответил он и, строго глядя на меня из-под очков, велел: – Варвара, поднимайся.

Я встала, сконфуженно отряхнула платье и стыдливо уставилась в землю.

– Разве я не говорил, чтобы все оставались дома? – спросил дед. – Ты же умная девочка. Почему на месте преступления должно быть как можно меньше народа?

– Чтобы следы не затоптали, – проблеяла я.

– Надо же, какое умное дитё, – умильно восхитилась бабка, отдавившая мне пальцы. Дед не обратил на нее никакого внимания.

– А раз ты все понимаешь, ноги в руки и – домой, – приказал дед.

Я кивнула, но не тронулась с места. Он отвернулся было к покойнику, но затем снова поглядел на меня:

– Что непонятного?

– У него что-то в руке, – сказала я и ткнула пальцем в сжатую руку мертвеца.

Дед бросил взгляд вниз и вроде решил поглядеть, что скрывала рука покойника, но не успел. В толпе послышался ропот, и откуда-то сбоку выскочила старушка лет семидесяти, грузная, неповоротливая, с криво застегнутой кофтой. Она взглянула на труп и бухнулась на колени, принявшись с воем биться лбом о землю.

– Ах, сердешная, – с наигранной, как мне показалось жалостью, произнесла давешняя бабка. Я внимательно поглядела на нее и подумала, что вижу главную деревенскую сплетницу, и это может мне пригодиться. – Это ж точно он, сын Марусин, Ванька, Ванька Фомичев, что два года как потонул. И татуировка его!

Мать покойного Фомичева при этих словах закричала еще сильнее. Участковый нахмурился и, раскинув руки в стороны, сделал шаг вперед.

– Вот что, граждане, – сурово сказал он. – Не на что тут смотреть. А ну, расходитесь по-хорошему. Я потом отдельно всех вызову и опрошу.

– Что же это делается, Леша? – спросил пожилой мужчина в сильно мятом пиджаке.

– Не до тебя, Федор, – отмахнулся Пряников. – Иди с миром.

По моему мнению, смотреть было на что, особенно учитывая, что труп разлагался прямо на глазах. Не обращая ни на кого внимания, дед осторожно опустился на колени перед покойным и попытался разжать ему пальцы. Треснула кость, и толпа вздрогнула, как от выстрела. Участковый снова закричал на людей, а те, повинуясь приказу, неохотно сделали несколько шагов назад. Я одна не тронулась с места, завороженная увиденным.

В ладони покойника лежала золотая монета, тускло блестевшая на ярком солнце.

* * *

Повинуясь строгому приказу деда, я покинула место преступления, но домой, в лапы разъяренной Златы, не спешила. Вместо этого свернула за угол, без особого труда влезла в чужой палисадник, и, крадучись, вернулась к библиотеке, моля небеса, чтобы никто не высунулся из окна и не обнаружил меня в цветнике. Палисадник забором примыкал к библиотечному двору с чахлым садиком, жидкими клумбами и большой собачьей будкой, с виду пустой. Недолго думая, я раздвинула болтающиеся штакетины на заборе, перебралась в библиотечный двор и юркнула в будку. К сожалению, она стояла так неудобно, что со стороны лаза труп и людей видно не было. Но в задней стене я обнаружила большую дырку от выпавшего сучка и, припав к ней глазом, обозревала происходящее.

Зеваки сновали туда-сюда, закрывая собой и обрушивая на свою голову небесные кары, которыми я мысленно руководила. Действовало неважно, поскольку деревенские жители неохотно отходили в сторону, освобождая мне обзор. Над покойником вовсю трудились медики. Неподалеку стояла их машина, удалось даже разглядеть часть номера, и я автоматически его запомнила. Дед то и дело появлялся в поле зрения, но теперь он действовал не один. Рядом с ним был участковый Пряников: маленький, рыжий, как подсолнух, и с тонкими усиками, что придавало ему сходство с котом. Участкового я тоже немного помнила: он приходил к деду за консультациями и, по-моему, очень его боялся. Впрочем, не только его. Участковый жутко боялся бабушку, стеснялся при виде отца, а когда в дом входила мама – невероятно краснел. Судя по отвращению, появившемуся на лице участкового, с трупом происходило что-то неладное. Вряд ли он впервые видел мертвецов. Да и дед, подозрительно бледный, постоянно морщился, закрывал нос и рот ладонью. Я вспомнила Васькины слова и невольно поежилась, подумав о нашествии зомби. Кто его знает, может, все фильмы ужасов, которые я тайком смотрела, оказались пророческими и теперь армия живых мертвецов решила атаковать поселок?

В будке внезапно потемнело. Позади кто-то задышал мне в спину жарким смрадным дыханием. Я застыла, едва не выскочив с воплем из будки прямо сквозь стену. Думаю, от страха у меня хватило бы сил ее выломать! Вот оно! Зомби выбрало новую жертву! Найдут ли родители мои несчастные обглоданные кости? Всплакнет Злата или порадуется, что одной проблемой в ее жизни стало меньше? Сеня, ясное дело, даже не обратит внимания, что меня уже нет, разве что я, разлагающаяся, с выпадающими клочьями волос и отваливающимися пальцами, буду слоняться под окнами родной девятиэтажки. Но тогда братец сбросит мне на голову свою любимую пудовую гирю, отчего мои сгнившие мозги брызнут во все стороны…

Чудовище за спиной чихнуло и прикоснулось чем-то влажным к моей руке. Рискуя остаться на всю жизнь косоглазой и седой от ужаса, я медленно повернулась.

Позади, засунув в будку голову, стояла собака: большая белая дворняга, довольно грязная, со свалявшейся шерстью и невероятно худая. Собака вздохнула. Мне стало стыдно: я заняла ее место.

– Погоди немного, – шепотом попросила я. – Я еще немножечко тут повынюхиваю, а потом уйду.

Собака грустно поглядела на меня, а потом скосила глаза на мой карман. Я вспомнила, что прихватила с собой пирожок, вынула его и протянула псу. Тот опасливо потянулся к угощению, словно боясь, что я в последний момент отдерну руку и ударю его, приподнял губу, обнажив внушительные белые зубы, и аккуратно взял подачку. Не успела я и глазом моргнуть, как от пирожка крошек не осталось.

– Вкусно тебе? – шепотом спросила я. Собака одобрительно чихнула и, сообразив, что больше ничего не получит, забралась в будку, заняв все свободное место.

– Господи, как же от тебя воняет, – прошипела я. Пес подумал пару мгновений, а потом облизал мне ухо и шею. Я отпихнула его в сторону и припала глазами к отверстию, через которое все еще было видно происходящее.

Пару минут я наблюдала, как медики грузили тело в машину, а потом вид загородила чья-то спина. Некто, облаченный в темную одежду, пристроился рядом с будкой, по ту сторону забора. Я сначала рассердилась: теперь точно ничего не увидеть, в этот момент послышались шаги. Собака, которая не среагировала на появление первого человека, теперь подняла уши и прислушалась, а ее ноздри стали бешено раздуваться. Пес наморщил нос и глухо зарычал.

– Ну, что ты думаешь по этому поводу, Элеонора Карловна? – вкрадчиво спросил невнятный мужской голос.

– Ничего, – хрипло ответила женщина, откашлялась, а затем добавила более внятно, и в ее голосе мне почудилась неприязнь. – Почему я должна что-то думать?

– А кто должен думать? – хихикнул мужчина. – Или Ванька два года назад не возле тебя ужом крутился? Он ведь не просто так это делал, и ты, милая, это знала.

– Что было, то прошло, – равнодушно ответила женщина. – Мало ли кто за кем увивался? Да и пропал Ваня.

– Ну, видишь, нашелся, – фыркнул мужчина. – И как удачно: прямо возле твоей библиотеки. Не в подвале ли, случаем, ты его скрывала, на цепях прикованного, как Кощея?

Затаив дыхание, я прислушивалась к разговору, попутно стараясь разглядеть говоривших. Библиотекаря Элеонору я узнала сразу, а вот кем был ее собеседник, определить не могла. В дырку от сучка его видно не было, только кусочек спины в темной одежде. Судя по тону, Элеоноре разговор был неприятен, но она почему-то не спешила уйти, и я подумала, что она не может этого сделать, пока не увезли тело. А вот собеседник подозревает ее в связи с преступлением и явно дает ей это понять. На мой взгляд, происходящее смахивало на шантаж.

Собака навалилась на меня и стала чесаться. В воздух взлетела шерсть. Я оттолкнула пса и прислушалась.

– Зачем мне его где-то скрывать? – усмехнулась Элеонора.

– Не скажи, не скажи, – захихикал мужчина. – Все знают, кто ты. И потом, сама видела, что у Ваньки в руке нашли. Нехорошо ты поступаешь, Элеонора Карловна. Вдруг власти пронюхают? Им ведь любой может сказать, так?

Вдруг на улице произошло какое-то движение. Элеонора развернулась к говорившему, схватила его за грудь и с яростью прошипела:

– Замолчи! Замолчи! Слышишь меня? Не смей даже думать на эту тему!

– А то что? – с вызовом спросил мужчина. – Что ты мне сделаешь? За молчание, дорогая моя, надо платить, и много. Даже не знаю, сможешь ли ты купить всю деревню. И еще проблема в том, что я знаю чуть больше других, не так ли?

Шерсть пса неожиданно попала мне в рот. Я вдохнула ее и закашлялась.

Заговорщики мгновенно перестали шептаться. Я посмотрела в щель и увидела, как Элеонора уставилась на будку. Неожиданно ее взгляд упал, как мне показалось, прямо на меня. Я отпрянула и вытолкала пса наружу, надеясь, что библиотекарь подумает, что видела собаку. Пес, не ожидавший такой подлости, вылетел во двор и зашелся лаем. Прижавшись к стене будки, я услышала удаляющиеся шаги. Недавние собеседники расходились в разные стороны.

Я выждала еще несколько мгновений, а затем вылезла из будки, подошла к забору, раздвинула ветки колючих кустов и выглянула на улицу.

Элеонора торопливо шла прочь, не оглядываясь. Я повернула голову в другую сторону. В конце дорожки стоял высокий крепкий парень, замеченный мною ранее.

Он глядел прямо на меня.

2. Подозреваются все!

Пока меня не было, в дом пришли представители провайдеров и быстро подключили интернет. Семейство разбежалось по углам, уткнувшись в свои гаджеты. Бабушка готовила ужин, негромко напевая что-то под нос. По мне, количество еды, поданное на завтрак, было устрашающим, и им еще полгода можно было спокойно кормить роту солдат. Но, видимо, у бабушки было другое мнение. Незамеченная ею, я шмыгнула в комнату, которую делила со Златой.

Аккуратно приоткрыв дверь, я увидела, что сестра сидит на кровати по-турецки, уставившись в телефон. Я вошла, готовясь к расправе, но Злата была слишком увлечена социальными сетями. Бросив на меня рассеянный взгляд, она продолжила торопливо вдалбливать в телефон очередной пост. Из любопытства я взяла свой смартфон и просмотрела социальные сети сестры. Как я и предполагала, там не было ничего интересного: несколько фото, сделанных еще в машине, где Злата, придавив меня к спинке кресла, изображала уныние. Сеня в кадр почти не попал, виднелось только его мощное плечо, я же выглядела сонной и наполовину придушенной.

«Мы с Сеней и нашим лягушонком скачем в коробчонке по полям и весям», – так сестра подписала фотографию.

Я мысленно сделала зарубку: не забыть зайти в ее блог и вбросить туда несколько комментариев, припомнив «лягушонка». У меня, кроме собственного аккаунта, было еще несколько, в том числе два, которыми я троллила сестру. Один – от якобы испанского мачо Хосе, по сценарию, забрасывающего Злату комплиментами. Второй – от злобного комментатора Артура Тряпочкина, высмеивающего образ Златы, ее наряды и манеру краситься. Самый цирк начинался, когда Хосе и Артур сходились в битве, на радость комментаторам, не стесняясь в выражениях. Злата злилась, отправляла Артура в черный список, понятия не имея, что я взломала ее аккаунт еще в прошлом году и периодически вычищала список забаненных ею людей. Иногда я сыпала мелким бисером яда от лица выдуманной завистницы Аглаи Тужур, но этот образ я не любила и прибегала к нему редко.

– Что там произошло? – спросила вдруг Злата, не поднимая головы.

– У библиотеки нашли труп человека, – ответила я. – Судя по всему, это мужчина, пропавший два года назад. Местные считают, что он утонул. Однако его нашли в лопухах, где утонуть сложно. Загадочно то, что он очень быстро разлагался.

– Если ты сделала фото, сбрось его мне, – попросила Злата. – Выложу с хэштегом «Ужасы нашей обители». Все подписчики обзавидуются.

Я поспешила расстроить сестру тем, что выскочила из дома без телефона, одновременно досадуя на собственную бестолковость. Фото пригодились бы и мне. Например, я могла снимать зевак и таким образом вычислить неизвестного собеседника Элеоноры. Судя по голосу, мужчина был немолод. Наличие же на тропинке молодого деревенского увальня я сочла совпадением, поскольку не могла предположить, что юный отрок так грубо и фривольно разговаривает с женщиной, годящейся ему в матери.

– Никакой от тебя пользы, бестолочь, – вздохнула сестра и снова принялась долбить по экрану смартфона. Я пообещала себе припомнить и это прозвище. Даже удивительно, что Злата ни разу не сделала выводов, что злобные комментарии появляются на ее страницах сразу после ссоры со мной. Впрочем, логика – не ее конек, а вот в модных тенденциях она разбиралась хорошо. Когда Злата начинала сыпать словечками из фэшн-мира, я ужасалась, что ее и без того птичья память окажется переполненной мусором и однажды она просто забудет дорогу домой.

Покойник сильно меня заинтересовал. По большому счету, мне было нечем заниматься три летних месяца, так что в этот подарок судьбы я решила вцепиться руками и ногами. На данном этапе мне требовалось больше информации, и, возможно, союзники. Я подумала, что Элеонора знает о трупе гораздо больше, чем хочет показать. А еще мне необходимо выяснить, с кем она говорила. Впрочем, гораздо больше меня волновало, откуда у покойника в руке золотая монета. Я решила осмотреть место преступления еще раз, дождавшись, когда следственная бригада и зеваки разойдутся по домам.

Дедушка не пришел ни на обед, ни даже на ужин. Я ерзала на месте, поглядывая на дверь, но, похоже, никого, кроме меня, это не волновало. Родители рассеянно жевали, поминутно оглядываясь на ноутбуки, где на мониторах клубились непонятные графики. Сеня смотрел футбол по телевизору, а Злата, обреченно уставившись в полную тарелку, прикидывала, что бы ей такое съесть, чтобы, не дай бог, не поправиться. Иначе все: открывать коллекцию будет давняя врагиня Ирка Самсонова.

– Что-то дедушка задерживается, – подхалимски вздохнула я. – Наверняка голодный. Может, я сбегаю и спрошу, когда он вернется? Или пирогов отнесу?

– Дедушка занят, – спокойно ответила бабушка. – Думаю, его покормили. А бегать никуда не надо, особенно с пирогами на ночь глядя.

– Тоже мне, Красная Шапочка, – фыркнул Сеня, поворачиваясь ко мне. – Сиди дома, а то волки сожрут.

– Смотри, гол! – не осталась я в долгу. Сеня подпрыгнул, повернулся к телевизору, где дядьки в разноцветных футболках уныло гоняли по полю мяч, и, не увидев ничего интересного, вновь бросил на меня недобрый взгляд.

– Ах ты, мелочь пузатая! – рявкнул он.

– Сеня, прекрати, – раздраженно сказала мама, уже закончившая ужинать. Она придвинула к себе ноутбук и что-то долбила одной рукой. Вторая была занята чашкой, из которой она прихлебывала чай.

– А чего я? – взвился Сеня. – Вы никогда не замечаете, когда она дразнится!

– Да-да, – подтвердила Злата. – Вечно ее жалеете, а она этим пользуется.

– Чем я пользуюсь? – возмутилась я. Злата многозначительно кивнула и ткнула в меня пальцем, словно говоря: вот, видите, опять! Мама поджала губы и поглядела на отца. Тот, почуяв укоряющий взгляд, хлопнул ладонью по столу.

– Так, быстро перестаньте! Это всех касается! Иначе я вам… – тут я едва сдержала ухмылку, поскольку наказание было всегда одно, и лично меня оно не пугало, – … я… вам интернет отключу! Если поели, марш по комнатам, и спать! Злата, Варя, помогите бабушке вымыть посуду. Сеня, выкини мусор.

– Да я сама все уберу, – махнула рукой бабушка.

Я встала с места и сказала:

– Охотно тебе помогу.

– Подхалимка, – прошипела Злата, но, в отличие от меня, свою помощь предлагать не стала. Я же, сгребая тарелки со стола, не пыталась заслужить лишний бонус у бабушки, которая во мне и так души не чаяла. Просто надеялась, что, пока мы прибираемся, вернется дед и я смогу вытянуть из него всю информацию о загадочном покойнике. Но время шло, а дед все не приходил. Хотя я мыла чашки очень медленно, они все равно кончились до его возвращения. Бабушка наверняка решила, что я копуша, поскольку поглядывала странно, но не пыталась упрекнуть. Я, в свою очередь, не стала ее разубеждать. Теперь она лишний раз подумает, прежде чем попросит меня о помощи. А я окажусь предоставлена самой себе.

Как бы там ни было, посуду перемыли и расставили на полки. Я даже вызвалась подмести пол, но бабушка отослала меня, сказав, что вечером полы не метут, и вообще, день был тяжелый, я наверняка хочу лечь в постель. Спать мне не хотелось, но в голову, как на

грех, не приходил ни один предлог, чтобы задержаться до возвращения дедушки. Поэтому я, со вздохом, ушла в общую со Златой спальню.

Сестра, к моему удивлению, уже спала, хотя часы едва показывали десять вечера. От нечего делать я вошла на Златину страницу, написала ей пару едких комментариев к фото, приправив их заключительным: «Сестра у тебя как раз ничего, а вот сама ты овца овцой», и, довольная содеянным, юркнула под одеяло. Завтра моя ядовитая реплика обрастет сотней комментариев, погребая первоисточник, а у Златы не останется времени злиться на меня. К тому же в соцсети Ирка Самсонова давно предложила мне дружбу, и я с удовольствием вступила в клуб «Мы ненавидим Злату Смородину». Таких, к удивлению, было немало. Оказывается, сестрица успела достать не только меня. Вступившие в клуб строили козни, желая досадить Злате, высказывались на ее счет, пару раз даже пожалели меня, но Ирка заявила, что впервые согласна со Златой, и я действительно похожа на лупоглазую лягушку, тем самым перейдя в стан моих врагов. Я подумала, что разберусь с ней по возвращении в город.

Мои руки до сих пор слабо пахли собачьей шерстью. Я поднесла их к носу и вдохнула. Конечно, дворовая псина – не кокер-спаниель, но меня бы и такой друг устроил.

Спать не хотелось. Я прокручивала в голове недавнее событие. Самой удивительной в этой истории была реакция деревенских: никто, кроме матери покойника, не был шокирован происшествием, хотя, по мне, явление среди бела дня мертвеца, утонувшего два года назад, – случай загадочный. Кажется, деревенские знали гораздо больше, чем показывали. Интересно, входил ли дед в число знающих?

На этой мысли я задремала и проснулась от приглушенных голосов, доносившихся с кухни под звяканье посуды. Одним из говоривших был дед – его бас я бы ни с чьим не перепутала, а второй голос показался мне лишь смутно знакомым. Убедившись, что сестра спит, я осторожно откинула одеяло и поставила ноги на теплый, прогретый за день пол. Дверь была приоткрыта. Крадучись, я пошла к кухне, опасаясь, что половицы заскрипят под моими босыми ногами.

– Говорю тебе, Анатолий Михайлович, – забубнил голос, – нечисто тут. Где это видано, чтобы покойники по деревне расхаживали, да еще давно потонувшие? Хочешь не хочешь, а надо в район докладывать.

– Ну докладывай, если надо, ты же начальник, – ответил дед. В его голосе мне почудилась усмешка. – От меня-то ты чего хочешь? Это теперь твоя вотчина, тебе и карты в руки.

Гость помолчал, а потом добавил с неожиданной плаксивостью.

– Я бы доложил, если б понимал, что происходит. А я не понимаю, как вышло, что у меня на участке – труп, и с особенностями. Мало того что сгнил за пару часов, так еще и гнулся весь, словно пластилиновый. У него что-то с костями было? Нормальный покойник не может так гнуться. На левой руке – след от веревки. Связывали его, что ли? И почему только за одну руку? Да еще монета эта в ладони, будто пиратская черная метка. Выходит, не брехала молва про сокровища? Есть он, клад проклятый! Это же мистика какая-то!

– А ты, Леша, не ищи мистику там, где ее нет, – жестко сказал дед. – Всему в этой жизни есть объяснение, только его поискать надо. Не суетись, сиди спокойно, как мышь под метлой, и больше думай. Людей опроси, может, кто что видел. Ведь среди бела дня покойник появился.

– А с монетой что? – осторожно спросил гость. – Она же золотая.

– Экспертам отправь, – посоветовал дед и вдруг зычно добавил: – Варвара? Ты чего там уши греешь?

Прятаться было бесполезно, я вышла на свет и скромно потупила глаза, увидев участкового Пряникова.

– Я пить захотела, – сказала я и шаркнула ножкой. – Здрасьте.

– Здрасьте, – сказал Пряников. Дед усмехнулся, открыл холодильник, налил мне морса и протянул стакан. Я послушно взяла и стала медленно пить, глядя на гостя исподлобья.

– Какая у тебя внучка умница выросла, Анатолий Михайлович, – сказал Пряников льстиво. Дед усмехнулся в усы и поглядел на меня.

– Напилась?

– Напилась, – кивнула я и нехотя вернула стакан.

– Тогда чеши спать, – приказал дед. Я попрощалась с Пряниковым и «почесала». А что оставалось делать? Однако, пока я шла к своей кровати, новые сведения буквально распирали мою голову, и я дала себе слово разобраться во всем этом.

* * *

Утром я сорвалась с постели, намереваясь выскочить на улицу и обследовать место преступления, но на полпути была поймана бабушкой и усажена за стол завтракать. На сей раз меню было гораздо скромнее: овсянка с изюмом, оладьи и чай с вареньем. Папа доедал свою порцию, читая новости на планшете. Мама, уже расправившаяся со своей, освободила край стола и яростно молотила по клавишам ноутбука. При этом у нее было такое зверское выражение лица, что никто из нас не отважился спросить, чем она занята. Скорее всего, это была работа, в которой никто из нас не находил ничего интересного. Сеня вяло жевал, пялясь в телевизор. Злата с отвращением ела кашу, косясь в свой смартфон, краснея от злости. Видимо, прочитала комментарии в бьюти-блоге, которые я вписала рано утром. Дедушка отсутствовал.

– У нас хлеб кончился, – сказала бабушка. – Дети, кто сходит в магазин?

– Я пойду, – сразу согласилась я, думая, что это позволит мне спокойно исследовать место обнаружения покойника.

– Сходи, Варенька, – обрадовалась бабушка. – Возьми батон и ржаного. Где магазин, помнишь?

Я кивнула и поднялась. Бабушка вручила мне деньги и сумку. Но едва я двинулась к дверям, как произошло то, чего я не ожидала. Злата тоже поднялась.

– Пожалуй, и я схожу, – с сомнением произнесла она. – Хоть окрестности осмотрю.

– Сходи, – согласилась бабушка, – прогуляйся. Не все же в телефон глазеть. На солнышке подрумянишься немного, приедешь в город – и все ахнут от красоты твоей. А то сейчас ты зеленая, как укропина.

Мне очень хотелось хихикнуть и добавить что-нибудь обидное, но Злата во все глаза смотрела на меня, поэтому я сделала вид, что не расслышала. Иначе сестрица наверняка подстроила бы гадость. То, что она вызвалась прогуляться до магазина вместе со мной, выглядело подозрительным. С другой стороны, Злата не была стратегом, так что все ее хитрости шиты белыми нитками. Никаких провокаций в отношении себя я не заметила. Возможно, сестра просто заскучала и решила пройтись. Лично мне присутствие Златы было нужно как рыбе зонтик. Я хотела вернуться к библиотеке и проверить, на что намекал незнакомец. Неужели Элеонора впрямь скрывала покойника в подвале на цепи? Но в таком случае, почему он стал быстро разлагаться? К тому же меня беспокоила брошенная участковым Пряниковым фраза о странной мягкости тела, будто его сделали из пластилина.

«Морозилка, – подумала я. – Покойника держали в морозилке, спрятанной в подвале. Затем труп выбросили за ненадобностью. Но почему именно сейчас, если покойник пропал два года назад?»

Поразмыслив, я решила, что версия с морозилкой в подвале сомнительна. Хотя бы потому, что размороженный труп не превратился бы в желе за несколько часов. Но библиотекарь явно что-то скрывала, на это намекал беседовавший с ней мужчина. Я решила выведать

тайну Элеоноры, но не имела представления, с чего начать. К тому же меня интересовала монета в ладони покойника. Но чтобы разобраться, надо избавиться от сестры и пошарить на месте происшествия. Учитывая, что участковый ходил к дедушке советоваться, надеяться, что дома со мной поделятся информацией, не приходилось. Здесь мне очень пригодились бы союзники.

Занятая своими мыслями, я не обращала внимания на происходящее. Между тем мы со Златой шли по пыльной улочке к магазину, и сестра все время что-то говорила. Оказалось, Злата записывает блог. Ее цель пройтись со мной сразу стала понятна: выбрав для себя подходящие заросли, она давала мне телефон и заставляла фотографировать ее в эффектных позах. Я была нужна ей не больше чем монопод для селфи.

– Дорогие мои фолловеры, – капризным тоном говорила Злата, – как видите, меня занесло в глухомань, где я заперта, словно принцесса Рапунцель. Мне приходится самой доить коров, собирать хворост и искать в лесу подснежники. Сейчас я и моя замарашка-сестра вынуждены идти по хлебным крошкам, чтобы добыть себе пропитание.

Злата навела камеру на меня (я скорчила рожицу и высунула язык), затем на свои бесконечно длинные ноги в изящных босоножках и принялась вышагивать, аккуратно ставя ноги крест-накрест, как учили на подиуме. После подняла телефон, снимая себя сверху, и так этим увлеклась, что наступила в коровью лепешку. Злата взвизгнула, выключила запись и принялась ругаться, дрыгая ногой, вытирая ее о траву с такой силой, что навоз полетел во все стороны. Хотя было невероятно смешно, я с трудом сдержалась и даже проявила заботу.

– Смотри, вон колонка, – жалостливо сказала я и ткнула пальцем в нужном направлении. – Ты отмывай обувь, а я сбегаю в магазин.

Злате ничего не оставалось делать, как плестись к колонке, на которую она уставилась с ужасом, не понимая принципа действия устройства. Она поднесла руки к рычагу, затем к крану и крикнула: «Включись!» Но колонка равнодушно молчала, не реагируя на призывы глупой красавицы.

– Тут, наверное, фотоэлементы испортились, – зло крикнула Злата.

– Нажми на железную палку, – посоветовала я. Злата нажала и взвизгнула еще громче, когда мощная струя ледяной воды окатила ее ногу от колена до ступни. Оставив сестру разбираться с техникой эпохи раннего мезозоя, я кинулась в магазин.

В магазине было тихо и малолюдно. От витрин слабо пахло тухлой рыбой и чем-то кислым. Продавец, толстая тетка в грязноватом фартуке, сонно поглядела на меня, продолжая отвешивать покупателю печенье. Когда тот повернулся, я узнала молодого парня, замеченного у библиотеки. Он смерил меня подозрительным взглядом, расплатился и вышел, напоследок оглянувшись у дверей. Я ответила ему улыбкой и воинственно поднятым подбородком. Вблизи он выглядел симпатичнее. Ему было лет шестнадцать. Под тонкой футболкой перекатывались мощные бицепсы, на лице ни следа от прыщей, которые начали мучить Сеню, а большие темные глаза с длинными ресницами напомнили мне взгляд крупного пса. Думаю, парень привык к такой реакции на свою внешность, потому что еле заметно улыбнулся, я бы сказала, снисходительно. Продавец закатила глаза и спросила, чего я хочу. Я стряхнула с себя очарование и обернулась.

– Белого и ржаного, – храбро сказала я.

Забрав покупки, я вышла на улицу. Злата стояла поодаль и фотографировалась на фоне колонки, сделав губы дудочкой. Интересно, что она напишет в своем блоге? Как осваивала нанотехнологию? Я подошла ближе. Злата неожиданно схватила меня за руку и горячо зашептала в ухо:

– Не знаешь, кто это? Видишь, пялится на меня…

– О ком ты? – удивилась я. Злата мотнула головой и одновременно скосила глаза, указывая вбок, при этом вид у нее стал абсолютно придурковатый. Я осторожно обернулась и

увидела парня из магазина. Укрывшись за кустом акации, он тянул шею словно гусак, разглядывая нас. Заметив, что его обнаружили, парень торопливо отвернулся, делая вид, что прогуливается и до нас ему нет дела. Судя по поведению сестры, местный красавчик ей очень понравился. Злата автоматически выпрямила спину, расправила плечи, а на ее губах появилась улыбка, которую она сама считала томной и нежной. Я придерживалась другого мнения, но не пыталась ее разубедить.

– А, вон тот парень, атлетически сложенный в кучу? – зевнула я. – Понятия не имею. Но, если хочешь, могу узнать.

– Интересно, каким образом? – округлила глаза сестра.

– Делов-то… Подойду и спрошу, – отважно заявила я, пожав плечами. Сунув пакет Злате, я сделала шаг в сторону парня, но сестра дернула меня назад.

– Только попробуй!

– Да что такого? – удивилась я. – Я всего лишь продемонстрирую свое дружелюбие, он сам явно не почешется. Или хочешь, чтобы кавалер ушел? Хотя, можешь сходить сама.

Злата подобного желания не имела, считая ниже своего достоинства подходить к кому-то первой.

Так что она совершенно спокойно отдала меня на заклание: в случае чего, дурой буду выглядеть я, а не она. Мне на условности было наплевать. К тому же я хотела точно знать, что с Элеонорой разговаривал не этот мускулистый красавчик с собачьими глазами. Злата выпустила мою руку, и я независимой походкой подошла к парню, отчаянно делающему вид, что его тут нет.

– Привет, – вежливо сказала я. – Мы, кажется, незнакомы? Меня Варвара зовут, а тебя?

Парень смутился и покраснел, отчего на ушах зажглись алые огоньки.

– Михаил, – холодно ответил он и, подумав, добавил чуть теплее: – Очень приятно. Вы дяди Толи Смородина внучки?

После первого же слова я убедилась: голос не его, хотя в этом и так не было сомнений. Мужчина, разговаривавший с библиотекарем, еще тогда показался мне старше. Теперь, когда Михаил был сброшен со счетов, я могла представить его Злате, одним махом убив двух зайцев. Вторым зайцем было избавление от внимания сестры. Злата будет явно занята, чтобы изводить меня и следить за каждым шагом.

– Миша, – вкрадчиво произнесла я и дотронулась до его руки, – не мог бы ты мне помочь?

– Постараюсь, – ответил он, кашлянул и поинтересовался: – А что нужно делать?

Я показала ему на Злату.

– Моя сестра плохо помнит дорогу домой, а у меня есть кое-какие дела. Не мог бы ты ее проводить?

– Так ваш дом по этой же улице, – удивился Миша.

Я вздохнула: парень под стать Злате, такой же глупый.

– У нее топографический кретинизм, – объяснила я. – Она и мимо своего дома порой проходит, нам приходится искать ее с собаками. Иногда мы думаем, что ей на шею надо повесить колокольчик, чтобы по звону определять, куда ее понесло.

Миша сосредоточенно размышлял. Мне казалось, что я даже слышу звук шестеренок, перемалывающих воздух в его мозгах.

– Да, конечно, я помогу, – кивнул он, и мы пошли к Злате. Она загадочно улыбалась, глядя на нас. Миша краснел все сильнее. Я торопливо представила их друг другу, сунула сестре хлеб с батоном и бросилась наутек.

* * *

Библиотека была закрыта. Чтобы это понять, не пришлось даже дергать дверь: замо́к – большой, амбарный – был виден издалека. Я на всякий случай обошла здание вокруг, проверяя, нет ли запасного выхода или открытого окна, но все оказалось наглухо запертым. Сомнительно, что в такую жару Элеонора сидела в духоте, тем более, что кондиционеры в старой библиотеке отсутствовали, и вообще я их ни у кого здесь не видела. Население спасалось от жары по старинке – открытыми окнами и озером. Моя старая знакомая – собака, с которой я разделила убежище и пирожок, спала в своей будке. Учуяв меня, она приподняла одно ухо и сонно оглядела с ног до головы.

– Прости, сегодня я без подарка, – сконфузилась я. Собака вздохнула и закрыла глаза. Мне показалось, что она даже не обиделась, привычная к надувательству. Я расстроилась и почесала пса за ухом. Тот шумно выдохнул воздух и зажмурился от удовольствия.

Пыльная улочка была пуста. Где-то вдалеке мычала корова, возможно та самая, в чьи отходы жизнедеятельности вляпалась Злата. Темные окна библиотеки глядели на меня мрачными зерцалами. Место, где валялся покойник, было затоптано многочисленными зеваками, отпечатки подошв отчетливо проступали в желто-серой пыли. На всякий случай я сфотографировала следы, надеясь, что в дальнейшем мне это пригодится. Оглядевшись по сторонам, я шагнула к раскидистым лопухам, надеясь найти какие-нибудь улики.

К моему разочарованию, если здесь и были следы, их собрали либо уничтожили. Траву вытоптали, а ветки кустарников были сломаны, точно здесь резвилось стадо слонов. Я приуныла. Покойник не мог сам прийти и лечь в лопухи, но, если его принесли со стороны дороги, следы безвозвратно утеряны. Может, дедушке повезло больше? Я вздохнула, и в этот момент мне в голову пришла мысль. Что если покойника принесли с другой стороны, не от дороги? Библиотека стоит на краю поселка, рядом с автобусной остановкой, где постоянно ходят люди: таксисты, водители маршруток, торговцы, пассажиры. Я не знала, в котором часу отправляется первый автобус до города или до железнодорожной станции, но наверняка рано. К тому же летом солнце встает уже в четыре утра, заливая все светом. Значит, убийца или тот, кто доставил тело, идя таким путем, сильно рисковал. Ах, как я пожалела, что не оказалась тут раньше, хотя бы вместе с соседским мальчишкой! Тогда я бы точно увидела, есть ли следы волочения от дороги. Это могло означать, что покойника привезли на машине, например на грузовике, затем остановились, перекрыв обзор из библиотеки, выволокли труп и оттащили в лопухи. И все, никто ничего не увидел. Если же следов нет, труп тащил один очень сильный человек, скорее всего – мужчина либо минимум двое, одним из которых может быть и женщина.

Я вернулась на то место, где лежал покойник, и, внимательно глядя под ноги, пошла к дороге. Сделав несколько ходок, я поняла: никто труп за собой не волок, иначе были бы характерные борозды. К тому же на одежде покойника должны остаться следы. Интересно, остались или нет?

Решив, что гадать бессмысленно, я взяла за основу версию, что мертвеца принесли не со стороны дороги. В пользу этого говорил факт, что злодей мог практически незаметно подобраться к деревне со стороны реки. С другой стороны дороги имелся уклон к берегу, до которого рукой подать. Недостатком этой версии было то, что уклон довольно крутой и подниматься по нему с ношей было бы тяжеловато. Решив проверить версию, я отважно раздвинула лопухи и направилась к берегу.

Сделав несколько шагов, я обнаружила две вещи. Первая – до меня здесь кто-то ходил. Трава была примята, а широкие листья лопухов в двух местах порваны, словно по ним сте-

гали прутом. Вторая – «кто-то» прятался в кустах, сопя в двух шагах от меня, только рыжая башка светилась под солнцем.

– Вылезай, – приказала я. – Я тебя вижу.

В кустах засопели еще сильнее, затем ветки раздвинулись, и наружу вылез Вася, глядя на меня исподлобья. Его губы были плотно сжаты, что говорило об упрямстве.

– И чего ты тут делаешь? – ядовито поинтересовалась я.

– А ты? – не остался Вася в долгу. – Я уже полчаса наблюдаю, как ты носом крутишь, будто собака. Что такого ты решила вынюхать?

– Я прогуливаюсь, – вежливо ответила я. – Прогулки хорошо влияют на аппетит. Бабушка велела нагулять его к обеду, вот и нагуливаю. В конце концов, у меня каникулы, и я имею полное право три месяца нагуливать аппетит, где хочу, хотя бы в этих лопухах.

– Ага, – презрительно скривился Вася и сделал вид, что хочет плюнуть на землю. – Аппетит она нагуливает! Бабушке своей расскажи. Тоже небось клад решила поискать?

– Какой клад? – нахмурилась я.

– Такой, – сурово ответил Вася. – Сама видела, что было у зомби в руке. Золото! И где он, по-твоему, его взял?

– Понятия не имею, – равнодушно пожала я плечами. – А, по-твоему, где?

– Тоже мне, загадка, – фыркнул Вася. – Под землей, ясное дело. Откуда вылез, оттуда и прихватил. Я в кино видел. Раньше мертвяков поверх клада клали, чтобы они его охраняли… Или читал где… Не помню. Вот он охранял, охранял, а потом ему надоело, он вылез из могилы и пошел гулять.

– Чушь! – возразила я.

– Почему чушь? – возмутился Вася, сжал кулаки и оценивающе посмотрел, словно раздумывая, не дать ли мне тумаков. – Скажешь еще, что зомби не существуют?

– Может, и существуют, – дипломатично ответила я, оценив угрозу. – Только из какой могилы покойник вылез, если он утонул?

Вася вытаращил глаза, открыл рот, снова закрыл и поглядел на меня с уважением.

– Слушай, а ведь правда, – возбужденно произнес он. – Я точно знаю, что Фомичев позапрошлым летом утоп и тела не нашли, один пиджак. Искали его, конечно, но без толку. А могила, кстати, есть. Но там гроб с одеждой закопали. Может, он из нее вылез? Зомби-то не все ли равно, откуда вылезать?

Я не стала отвечать на очевидную глупость и кивнула в сторону реки.

– Он тут утонул?

Вася помотал головой и поглядел на меня с сомнением, словно не желая сообщать подробности.

– Нет, не тут, – нехотя произнес он. – Не на речке. На болоте, за лесом, где старая усадьба стояла. За клюквой пошел, и его затянуло в трясину. Только одежду нашли и палку. Но я сейчас думаю, что не за ягодами Иван отправился, рано было для клюквы.

– А зачем? – спросила я. Вася не ответил, уставился на свои ноги и пробурчал что-то нечленораздельное. Сообразив, что ответа не дождаться, я отодвинула его в сторону и сквозь высокие стебли лопухов направилась к берегу.

– Ты куда? – спросил Вася испуганно. – На речку?

Я не удостоила его ответом. Тропинка бежала передо мной. Кто-то ходил тут совсем недавно, и я была уверена, что не Вася. Двигаясь, я почти не касалась лопухов, но сомнительно, что Ваське, мальчишке такого же роста, потребовалось бы больше места. А следы были свежими. Надломленная трава не успела пожухнуть. Васька шел следом за мной, продолжая сопеть, пока мы не уперлись в песчаный берег.

– Гляди, – прошептал испуганный Вася и ткнул дрожащим пальцем вниз. Я опустила глаза и увидела четкие отпечатки босых ног, выходящих из воды, прямо от заросшего камы-

шом берега. Аккуратно обойдя следы, я опустилась перед ними на песок, вынула телефон и сделала несколько снимков, а затем измерила пальцами. Вася дрожал, но от любопытства уходить не желал.

– Точно зомби, – удовлетворенно произнес мой провожатый. – На болоте утоп, отсюда вылез.

– Может, купался кто-то? – возразила я.

Вася фыркнул.

– Здесь? – презрительно усмехнулся он. – Тут никто из местных не купается. Месяц назад сюда вынесло дохлую корову, она лежала недели две и вся раздулась. Да и берег плохой, камыш с осокой. Вон, где все купаются, там у нас пляж, – мальчик махнул рукой вдаль. – Там и лодки есть, и мостки, и нырять можно. Рыбачат там же. Нет, сюда местные не ходят. Корову и ту долго не замечали, а она воняла на всю округу.

Я не ответила, внимательно изучая следы. Мне показалось, что пятки были сильно вдавлены в песок. Разувшись, я наступила рядом, затем убрала ногу. След от моей босой ступни был едва заметен. Я подпрыгнула и с силой вдавила ногу в песок. Результат был чуть лучше, но не таким впечатляющим.

– Ты что делаешь? – спросил Вася.

Я загадочно улыбнулась, как это делала Злата, когда хотела понравиться парню, и, не ответив, стала рыскать по берегу, не обращая внимания на Васю. Спустя четверть часа мои поиски увенчались успехом. Поодаль, у самой кромки травы, я нашла еще одну цепочку следов, возвращающихся в воду. Но эти отпечатки не показались мне такими же глубокими. Отломив веточку, я тщательно измерила глубину вдавленных в песок следов в том и другом месте, не забывая фотографировать. Приглядевшись, я заметила, что на той цепочке следов, возвращавшихся к берегу, есть буроватое пятнышко на каждом левом отпечатке. Потрогав песок, я обнаружила, что песчинки окрашены чем-то темным, словно это грязь или…

Кровь?

На берегу больше не было ничего интересного. Я обулась и побежала обратно. Вася едва поспевал за мной, а потом вдруг охнул и остановился. Я обернулась.

Вася стоял, морщась и подпрыгивая, на одной ноге. Из подошвы второй кеды он вытаскивал загнутую острую жестянку.

– Понакидали тут, – недовольно заявил он. – Наверное, порезался.

– Снимай, – приказала я, – рану нужно обработать.

– У тебя есть чем? – скривился Вася.

Я покачала головой, сорвала лист подорожника и протянула ему.

– Пока так, а дома смажем йодом. Разувайся, посмотрим, что там.

Под носком у Васи обнаружилась не слишком чистая пятка, а царапина оказалась неглубокой, хотя жестянка проткнула подошву насквозь. Вася выдернул жестянку из кеды и хотел кинуть в сторону, но я отняла, решив, что она может пригодиться.

– Иди осторожнее, – попросила я и вновь направилась к лопухам, где был обнаружен труп, но на сей раз меня больше интересовала дорога. Шансов найти что-то полезное было мало, особенно после налета деревенских. Но примерно минут через десять я с удовлетворением увидела на пыльной земле фрагмент отпечатка босой ноги с бурым пятном слипшейся пыли.

– Ты как соседский Полкан, – недовольно пробурчал Вася.

Я снисходительно улыбнулась, хотя комплимент был сомнительным, и обернулась к библиотеке. Замо́к по-прежнему висел на двери. Недолго думая, я направилась к забору, прямо за собачьей будкой, решив, что не мешало бы изучить следы и там, но меня ждало разочарование. С кем бы ни беседовала Элеонора, они топтались на траве, которая не сохранила следов. Собака вышла из будки, поглядела на меня, затем на Ваську и не издала ни

звука. Ее меланхоличность пробудила в моей голове нечто умное, но настолько неуловимое, что мысль выветрилась, не успев сформироваться. Я поглядела на собаку, надеясь, что мысль вернется, но в этот момент Вася обратился ко мне с вопросом и окончательно сбил с толку.

– У вас сегодня будут пироги?

Пироги? Как в такую минуту можно думать о пирогах? Я хотела сказать, что мучное вредно и портит фигуру, но затем внимательнее поглядела на Васю. Что-то в его несчастной физиономии показалось мне неуловимо знакомым, но я не могла понять что. Затем решила, что он голодный, и пожалела его. А еще я подумала, что Ваське так же одиноко, как и мне. И что, если я не дождусь от родственников подарка в виде собаки, вполне могу обойтись Васькой. Он вроде бы неплохой мальчишка, и невредный, в отличие от моих одноклассников, которые считали меня занудной всезнайкой.

– Не уверена, – призналась я. – Но, мне кажется, пироги остались со вчерашнего дня. Не могли же мы съесть целую гору. Если хочешь, давай проверим.

Вася хотел, и я коварно пригласила его на обед, решив, что лишний рот нам не повредит. На крайний случай я была готова пожертвовать порцией Златы: ей все равно нельзя много есть. Сама же я делиться едой не хотела, так как проголодалась после захватывающих поисков. Кроме того, я хотела выпытать у Васи как можно больше информации о покойнике и таинственном кладе, который он искал в кустах.

* * *

Если бабушка и была удивлена моим гостем, то вида не подала. Вася сконфуженно разглядывал половицы и независимо почесывал спину, делая вид, будто ему все равно, что на обед. Его ноздри раздувались, как у голодного пса.

– Я встретила Васю, – сообщила я. – Он проткнул ногу. Я решила привести его к нам и оказать первую помощь.

– О господи, – испугалась бабушка и, насильно усадив упирающегося Василия на диван, стащила с него кеду.

– Не та нога, – уточнила я. Бабушка покосилась на меня, стащила вторую кеду, подняла Васину ногу и внимательно оглядела пятку.

– По-моему, ничего страшного, – успокоила бабушка. Я решила, что немного паники нам не повредит, иначе Вася мог застесняться и убежать, а мне требовалось, чтобы он остался еще хотя бы на полчаса, чтобы я могла выведать все о кладе.

– Он наступил на ржавую железку, – объявила я. – Так что есть опасность получить столбняк. Его отвезут в больницу и сделают сорок уколов в живот, или мы обойдемся йодом?

– Не выдумывай, – строго сказала бабушка. – Сорок уколов делают при подозрении на бешенство, когда тебя собака кусает, или, например, дикая лисица. У нас зимой и в начале весны много лис выходит из леса к деревням, но сейчас лето, им и без того сытно. Думаю, мы промоем ногу в марганцовке и смажем зеленкой.

– А марганцовка щиплется? – испуганно спросил Вася.

– Ужасно, – ответила я. – Разъедает ногу до кости, как кровь пришельцев в фильме «Чужие».

Вася побледнел, но мужественно пошел за бабушкой. Я хмыкнула и направилась в свою комнату, но меня остановила разгневанная Злата. Сестра схватила меня за плечо, я ловко вывернулась и отбежала за стол, наблюдая за попытками Златы схватить меня.

– Значит, я – идиотка? – прошипела она. – Так?

– Я бы на твоем месте это не афишировала, – дипломатично ответила я. – И, во всяком случае, не орала на весь дом. Хотя мы давно в курсе твоих умственных способностей.

– Маленькая дрянь! – воскликнула Злата. – Зачем ты сказала Михаилу, что у меня топографический кретинизм? Он всю дорогу смотрел на меня, как на дуру, даже разговаривал медленнее и громче, будто я – иностранка. До сих пор уши болят.

Злата метнулась вправо, я – влево. Мы немного побегали вокруг стола с нулевым результатом. Попытка схватить меня провалилась, но в комнате было слишком мало места, чтобы свободно маневрировать. Рано или поздно она дотянется до меня своими костлявыми лапами. Я решила немного разрядить атмосферу.

– А чего ты хотела от неотесанной деревенщины? – спросила я миролюбиво. – Сама видишь, он слишком глуп, чтобы оценить городскую красавицу. У него с юмором еще хуже, чем у тебя.

Злата остановилась и задумалась, сморщив лоб.

– Да, с мозгами у него не очень, – согласилась она.

– Зато он красивый, – подлила я масла в огонь. – А тебе все равно не подходят умные парни, так что держись за Мишу.

– Почему это не подходят? – с подозрением осведомилась Злата, чуя подвох.

– Потому что через день-другой они поймут, что ты глупа как пробка и сами тебя бросят.

Я недооценила сестру и поняла это, когда она тигрицей прыгнула через стол, плюхнулась на него животом и схватила меня за плечо. Я рванулась, но тонкие пальцы Златы впились мне в кожу. Я заверещала как заяц.

– Что здесь происходит?

Дедушка стоял в дверях и строго смотрел на нас. За его плечом топорщились рыжие усищи участкового Пряникова, а у того из-за спины торчала вихрастая макушка Василия.

– Девочки, вы что – деретесь? – гневно спросил дедушка. – Если так, я попрошу Алексея Петровича прочесть вам лекцию о неблагополучных детях и том, куда они попадают, когда плохо себя ведут. Поверьте, страшнее этой лекции ничего нет. Дети перестают спать, кушать и не слезают с коленей родителей. Неужели нам нужны такие жертвы?

– Мы просто играли в догонялки, – пояснила я и вырвалась из цепких когтей сестры. – Злата меня догнала. Теперь мне водить.

– Угу, – мрачно прогудела Злата, напомнив мне сову из мультфильма, и испепелила меня взглядом. Ух, и достанется мне, когда взрослые выйдут!

– Для подвижных игр есть улица, а не моя гостиная, которую вы едва не разнесли, – строго сказал дедушка и внезапно поглядел вниз, на макушку соседа. – Василий, а ты что тут делаешь?

Вася потупился. Я вновь взяла инициативу в свои руки, пока он не сболтнул лишнего, но не преуспела.

– Вася порезал ногу, я привела его к нам для оказания первой помощи, а потом пригласила на обед.

– Где ты ногу порезал? – спросил Пряников. Я не успела послать Васе предостерегающий взгляд, он простодушно ответил:

– На пустыре у библиотеки, где зомби нашли. А потом мы пошли к реке, откуда он выполз.

Брови дедушки взлетели вверх. Я пожалела, что не могу стукнуть Васю.

– Мы? – переспросил он и поглядел на Васю. Тот ткнул в меня пальцем, дедушка поглядел на меня. – А ты что там делала?

– За хлебом ходила, – честно ответила я.

Я думала, что крыть нечем. Но, кажется, мне не поверили. Участковый и дедушка обменялись многозначительными взглядами, и мне это не понравилось. Я могла бы отвести от

себя грозу, заявив, что Злата завела ухажера, тогда внимание взрослых переключилось бы на старшую сестру. Но я считала ябедничество недостойным.

– Идемте обедать, – провозгласила бабушка, появляясь в коридоре. – Дима со Светой уехали в город, а Сеня в сарае, тренируется. Варенька, ты не могла бы позвать брата?

Разумеется, я могла. Все лучше, чем быть в опасной близости от когтей сестры.

Сеня, мокрый от пота, поднимал пудовую гирю. В сарае, из которого дедушка сделал мастерскую, было немного спортивных снарядов: гиря, турник и штанга, сваренная из обрезков металлических труб. Выслушав мою просьбу прийти обедать, Сеня скупо кивнул, бросил гирю на пол и пошел в летний душ. Глядя в спину удаляющегося брата, я вспомнила речной берег и следы. Но думать было некогда, и я решила отложить размышления до вечера. На кону стоял более важный вопрос: как выведать у деда подробности смерти Ивана Фомичева?

К сожалению, за столом о покойнике никто не говорил. Сеня молча жевал и смотрел в телевизор, Злата изображала принцессу, поглощая еду крохотными птичьими порциями. Когда взрослые отвлекались, она больно щипала меня под столом. Я дергалась и мужественно терпела, а затем, нагрев ложку в супе, приложила к ее обнаженной ноге сестры. Злата взвизгнула. Все вздрогнули и поглядели на нее, даже я, при этом мои глаза излучали невинность.

– Боже, ты невыносима! – воскликнула Злата и повернулась к Пряникову, одарив его милой улыбкой: – Скажите, со скольких лет принимают в школы для трудных подростков? А то у меня есть одна кандидатура. Я бы прямо сейчас написала заявление.

– Хорошо тебе, – вздохнул Сеня. – Всего одна. У меня их две. Дядя Леша, а если надо в такую школу отправить двух сестер, есть ли гарантия, что они не вернутся?

– Тебе, конечно, проще, – не осталась в долгу Злата. – С тобой уже все ясно. В случае чего ты отправишься сразу в колонию для несовершеннолетних.

Взрослые и Васька оторопело глядели на нас. Сеня сжал губы и недобро покосился на Злату, та ответила ему таким же взглядом. Я улыбалась как ангел и спокойно ела суп.

– Что за разговоры за столом? – возмутилась бабушка. – Дети, вы в своем уме? Что на вас нашло? Немедленно прекратите! Толя, а ты куда смотришь?

– Я смотрю на то, что сегодня у нас будет трудовой десант, – спокойно ответил дед. – После обеда вы трое в наказание пойдете полоть картошку. Тяпки в сарае, перчатки там же.

– А я тут при чем? – осведомилась я. – Я и слова не сказала. За что меня наказывать?

– За то, что лазила, где не велено, – пояснил дедушка. – Я ведь ясно тебе сказал, чтобы не совалась на место преступления. Слышала, что случилось с любопытной Варварой? К тому же картошка сама себя не выполет и не окучит, а труд облагораживает, он из обезьяны сделал человека.

Я, конечно, слышала об этой теории, но в глубине души была с ней не согласна. Иначе как объяснить, что современные обезьяны не эволюционируют? Но у меня хватило ума держать эти мысли при себе. А вот кого-то за язык тянули.

– Ну, им для этого прополки будет мало, – хмыкнул Сеня. – Наши девочки могут и асфальт уложить, все равно останутся макаками.

Теперь переглянулись мы со Златой, многозначительно отвесив друг другу едва заметные кивки. Сеня должен пожалеть о своих словах.

– Могу вам на подмогу дать этого охламона, – сказал Пряников и кивнул подбородком в сторону Васьки. – Все полезнее, чем без дела на улице болтаться да глупости делать.

Вася вытаращил глаза и закашлялся. Я нахмурилась: почему участковый распоряжается судьбой Василия? Но вдруг до меня дошло: рыжие волосы, одинаковый разброс конопушек на курносых носах, зеленые кошачьи глаза… Слишком много общего для простого

совпадения. Не нужно делать генетический тест, чтобы понять, кем эта пара приходилась друг другу.

– Леша, неудобно. Зачем? – вмешалась бабушка. – Мы и сами справимся.

– Анфиса Леонидовна, я понимаю, что справитесь, но мне спокойнее будет, – возразил Пряников. – Я на работе целый день, света белого не вижу. А тут и пригляд будет, и накормите его вовремя, а то он так и будет до вечера голодный бегать. С этим делом сейчас совсем нет времени…

Участковый замолчал, поймав предостерегающий взгляд деда. Васька покраснел и уткнулся в тарелку. Я же решила, что, если от трудотерапии не отвертеться, по крайней мере Васька будет под рукой, и можно его разговорить.

Я старалась есть как можно медленнее, надеясь, что приказ деда превратится в шутку. Злата и Сеня, отнюдь не мечтающие о работе на солнцепеке, последовали моему примеру. До конца обеда мы сидели как мышки, старательно изображая воспитанных, культурных детей на радость бабушке. Но, к сожалению, когда допили чай, дед дал нам четверть часа на отдых, после чего велел переодеться во все старое и выходить на улицу.

*** * ***

От непривычной работы ныло все тело. Поздно вечером, упахавшись, словно рабы на галерах (Сеня так сказал, но я не была уверена, что знаю, что такое галеры), мы поужинали и разошлись по комнатам. Злата уверяла, будто настолько устала, что не будет есть. На самом деле все было сказано из желания вызвать у родителей сочувствие. Однако своей цели Злата не добилась. Родители вернулись домой усталые и злые, на жалобы старшей дочери отреагировали вяло. Мама промолчала, а отец заявил, что трудиться полезно.

– Только, видимо, не в нашем случае, – произнесла мама каким-то трагическим голосом.

Пока старшая продолжала канючить, я благоразумно промолчала, сообразив, что у родителей неприятности на работе, и, скорее всего, из-за этого им не заплатят. А значит, наши шансы вернуться в город равны нулю. Хотя я возвращаться не хотела. Зачем? Передо мной маячила неразгаданная тайна. Что до Златы, она вообще не имела права жаловаться, так как сделала даже меньше меня. Дедушка показал нам, как выглядит куст картофеля и чем отличается от сорняков, как его окучивать, поделил огород на три части и откланялся. Привычный к такой работе Вася начал тюкать тяпкой в сухую землю, я старалась от него не отставать. Сеня, мрачный и злой, быстро освоил нехитрую премудрость и легко нас обогнал. Злата же, пару раз ударив тяпкой по траве, заявила, что ей слишком жарко и она может сгореть на солнцепеке, а модельеры предпочитают бледных манекенщиц. Сестра отползла в тень, сделала несколько селфи и прилегла на травку. Она могла так пролежать до вечера, но Сеня, увидев, что Злата бездельничает, надергал крапивы и принялся гоняться за ней по огороду, требуя «не филонить» страшным голосом. Мы с Васькой были предоставлены сами себе, поэтому я успела расспросить его о таинственном кладе. Вечером, когда я отправилась спать, мысли жужжали в голове как потревоженные пчелы. Злата, которой все же пришлось потрудиться, уже спала. Я легла в свою постель, закинула руки за голову и, глядя в темный потолок, стала размышлять.

Васька как источник информации был так себе. Но суть его знаний, а еще точнее – клубка легенд, обрастающего новыми витками, я уловила, а позднее подкрепила сведениями из интернета.

В соседнем поселке Верховном, ныне разрушенном и заброшенном, когда-то жил граф с такой же фамилией. Возможно, село назвали Верховным потому, что именно это место граф выбрал для усадьбы. Во времена революции графа решили расстрелять, его почти схватили,

но он оказался не из дураков, успев удрать и увезти с собой семью. Однако, поскольку новая власть застигла аристократа врасплох, удирать пришлось практически в одних подштанниках. Легенда гласила, что Верховный, надеясь на быстрое подавление крестьянских бунтов (так он называл революцию), припрятал состояние где-то в усадьбе. Но революция свершилась, страна покатилась в тартарары, на смену одному строю пришел другой, потом война, очередное свержение власти и многое другое, о чем я знала по урокам истории. Граф, бежавший за границу, не вернулся, клад остался в поместье, превращенном в сельский клуб. Позже Верховное захирело: люди переезжали в наш поселок, либо уезжали навсегда, бросая дома. Еще до нашего с Васькой рождения село опустело. А легенда, что сокровища графа где-то там, продолжали будоражить население. То и дело местные и приезжие отправлялись в мертвый поселок искать клад. В последнее время поиски велись все реже. По словам Васьки, в Верховное никто не ездил минимум год. Клад не существовал, либо давно был найден. Именно так все решили. А потом у библиотеки нашли покойника с золотой монетой в руках.

– В усадьбе теперь пост хотят оставить, – сообщил Вася, пыхтя от напряжения, поскольку вьюнок, цеплявшийся за картофельный куст, не желал с ним расставаться. Я отрубила вьюнок тяпкой. – Зря ты так, у него корни в земле, новый стебель вылезет…

– Почему ты решил, что оставят? – спросила я, хватая и дергая оставшийся в земле корень.

– Отец сказал, – нехотя признался Вася. – То есть он не мне говорил, а по телефону, я просто услышал… Говорил, теперь от кладоискателей прохода не будет. Фомичев тоже клад искал, и все без толку. А сейчас, видно, нашел…

Что участковый Пряников – Васькин отец, я догадалась без посторонней помощи и порадовалась, что одной тайной стало меньше. Мне хотелось спросить, куда смотрит его мама, но решила, что на данной стадии знакомства этот вопрос бестактен. Выяснить это можно позднее. На повестке дня стояли более важные вопросы.

Первый зародился у меня еще у библиотеки, когда я искала следы рядом с собачьей будкой. Тогда мимолетная мысль не могла сформироваться, а сейчас я вспомнила, как повел себя пес, когда незнакомец подошел к Элеоноре. Собака зарычала. А на следующий день, когда мы с Васькой подошли вплотную, собака не издала ни звука. Пес наверняка знал Ваську, со мной несколько минут делил будку, к тому же я угостила его пирогом. Значит, собеседника Элеоноры собака не знала…

Или не любила…

Я подумала, что пес мог среагировать не на незнакомца, а на запах, например алкоголя. У нас очень давно, когда я была совсем маленькой, жил пес, который до трясучки ненавидел пьяных. Возможно ли, что от незнакомца пахло чем-то неприятным?

Эту загадку я оставила на потом и перешла ко второму вопросу. Догадка взорвалась в моей голове еще на берегу, а сегодня, увидев тренировку Сени, я вспомнила глубину следов на берегу, крутой склон и цепочку более слабых отпечатков. Разумеется, о зомби речь не шла. Покойника принесли из реки, которая следов, как известно, не хранит. При этом человек, если судить по следам, был один и невероятно силен, раз смог поднять тело по склону, пусть не слишком крутому, и при этом почти не оставить следов. Скорее всего, неизвестный шел по той же тропинке, что и мы, напоровшись на ту же железку, что и Вася. Недаром на отпечатках его обуви я обнаружила следы крови. Я пожалела, что не догадалась собрать образцы, пригодные для экспертизы. Хотя куда бы я их сложила? В карман? Что-то еще важное сказал тогда Вася…

Ах да! Дохлая корова!

Местные на эту часть берега не ходили, предпочитая пляж и причал. Неизвестный должен об этом знать. Здесь он не рисковал быть застигнутым. Труп вытащили на берег, подняли наверх и бросили у дороги.

Зачем?

На этот вопрос у меня не было ответа. По мне, покойника проще всего утопить в реке. А что: привязал к ноге Сенину гирю, и – бултых! Однако кто-то потрудился втащить наверх труп двухлетней давности.

Не понимая, для чего неизвестному такие сложности, я ворочалась с боку на бок и вдруг услышала приглушенные голоса. Скорее всего, Пряников опять пришел на совещание. Решив, что они наверняка сболтнут что-нибудь интересное, я выскользнула из постели и на цыпочках вышла из комнаты, остановившись в коридоре.

– Не понимаю, как покойник мог так хорошо сохраниться, – прогудел Пряников. – Фомичев утонул два года назад. Хотя сейчас я думаю, что он просто где-то скрывался, а утонул только сейчас. Экспертиза показала – в легких вода. Но почему он на глазах разлагался? Мистика какая-то…

Я мысленно кивнула. Правильный вопрос. Я тоже подумала, что Фомичев был жив все это время.

– Да никакой мистики, – неожиданно ответила бабушка, и я едва не икнула от удивления. Не ожидала, что она участвует в совещаниях. Что-то зашелестело, зашуршало. – Вот, Леша, сюда погляди. Понял? Это все объясняет.

Воцарилась тишина. Я сгорала от любопытства. На что смотрел Пряников?

– Да, Анфиса Леонидовна, вы меня прямо уели сейчас, – медленно произнес Пряников. – Это ж надо додуматься! Я бы никогда не сообразил. Снимаю шляпу. Как вам это в голову пришло?

– Образование, Леша, – рассмеялась бабушка. – Я ведь хорошо училась и работала хорошо, хоть и недолго. Ну, и природа у нас… своеобразная.

– Анфиса молодец, – одобрительно сказал дед. – Я вот не сразу понял. А она сообразила.

Черт побери! У меня даже зубы зачесались от нетерпения. Что же они такое поняли?

– Ивана завтра будут хоронить, – вздохнула бабушка. – Какое испытание для бедной Машеньки – второй раз сына оплакать.

Я стояла не дыша. Похороны! Ну, конечно! Скорее всего, именно там удастся выведать побольше. Нужно только узнать, где они будут проходить, а потом явиться с независимым видом.

– Варвара! – вдруг строго сказал дед. – Ты чего опять пристроилась? Ну-ка, иди сюда.

Он через стенку видит, что ли?

Я вышла, изобразив смущение, которого не чувствовала. Дед, бабушка и Пряников уставились на меня с недоумением и чем-то, похожим на подозрение.

– Ты чего по ночам как лунатик бродишь? – нахмурился дед. – Почему не спишь?

– Я в туалет пошла, – призналась я.

– Туалет в другом конце дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.